

СЛАДКИЙ ПИРОЖОК

для крутого Босса

АНЯ ВЬЁРИ

Аня Вьёри

**Сладкий Пирожок
для крутого Босса**

«Автор»

2025

Вьёри А.

Сладкий Пирожок для крутого Босса / А. Вьёри — «Автор»,
2025

Мамочки! Нет! Только не это! Ну почему же все валится из рук? И почему именно сейчас? Я справлюсь! У меня просто нет другого выбора, я обязательно справлюсь! “Дзинь” – до противного весело звякает колокольчик на двери моей пекарни.. Проверка? Ой... Нет... Хуже... Замираю... Медленно оседаю на стул... Все. Все кончено. Это он. Он меня нашел.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аня Вьёри

Сладкий Пирожок для крутого Босса

Пролог

Музыка!

Музыка звучит повсюду! В зале, в фойе, в моей голове, в моем сердце!

Боже!

Я выиграла! Я победила! Я смогла!

Тихий звон колокольчиков вплетается в мелодию, внутри все щекочет и трепещет! Я буквальнорываюсь от счастья и нетерпения! Мне хочется рассказать всему миру! Всем показать! Всем доказать! Смотрите! Я могу!

Подхватываю с подноса официанта бокал, оглядываюсь, и...

И все замирает.

Он...

Он смотрит на меня так, словно я самое желанное в его жизни. Его главный приз, его долгожданная награда. Явно любит, но не только. Мне хватает доли секунд, чтобы понять – я его. Он никогда не подпустит ко мне другого. Он решил. И все. Я – его.

Трепет сменяется волнующим жаром, а мурашки на коже уступают место несмелым бабочкам.

Чуть веду подбородком, вглядываясь в его лицо, а он...

Улыбается и подходит быстрым, уверенным шагом.

– Здравствуй! Я – Леха, – произносит небрежно. – Потанцуем?

А дальше ничего не помню!

Вихрь эмоций, круговорот прикосновений, буря ощущений!

Впервые! Навсегда! Его! Мой! Я...

Я никогда не думала, что это может быть так.

Я таяла и взрывалась вулканом, я кричала и еле слышно шептала, я умирала и возрождаюсь в его объятьях! А потом...

Я проснулась!

Проснулась и обнаружила, что сплю в постели незнакомого мужчины.

И меня тут же накрыла волна совсем другого жара!

Стыд, страх, ужас от своего поступка!

Что я натворила?

Я отдалась?

А он...

Тоже хорош...

И мы...

Мы...

А мы предохранялись?

Глава 1

Александра

Боже, ну что за день!

– Марина! – кричу в подсобку. – Петрович пришел? Нужно же дверь перевесить! Срочно!

– Запил Петрович, – моя помощница выходит, вытирая руки о фартук.

– И ты мне не сказала? – хочется орать, но от ужаса у меня пропадает голос. – Марина!

Ты понимаешь, что нас закроют?!

– Да погоди ты шипеть! – фыркает моя подруга и подмастерье. – Я Митьку Ленкиного попросила. Сказал, до одиннадцати прибежит...

До одиннадцати?

Хорошо.

Митька рукастый...

Так-то у нас все в порядке.

Я уже три раза по всем нормативам перепроверила – в порядке.

Только вот дверь запасного выхода на в ту сторону открывается. Должна на улицу, а у нас внутрь...

Потому что если на улицу, то она бьется о чужое крыльцо.

Но кого это волнует?

Должна наружу!

На самом деле жутко боюсь, что дверью дело не ограничится.

Администрация города взялась на мою крохотную пекарню.

Работаю себе и работаю уже пятый год.

Раньше никому не мешала.

А тут...

Говорят, что к нам в город хочет зайти какой-то крупный сетевик. И вроде как он кому-то там наверху намекнул...

Намекнул...

Просто намекнул, что ему интересно мое помещение...

А я ж простая, как сибирский валенок! Мне и самой тут хорошо! Я продавать не буду...

И началось.

Проверка за проверкой.

Налоговая, санэпидемстанция, Роспотребнадзор, трудовая инспекция.

Вот сейчас ждем пожарных.

– Уа-а-а-а! – громко и обиженно взревел мой самый главный сотрудник.

Пашка.

Кроха моя и смысл жизни моей...

Он тут же, у меня под прилавком.

А куда деваться?

Оставлять мне его не с кем.

Я Маринку наняла как раз, когда совсем работать не могла.

Но сейчас вот вроде уже получается.

Пасютке даже нравится в пекарне. Тут такие ароматы, и жесткий бублик ему делаем – зубки чесать...

– Что, опять зубы? – снова выходит перепачканная мукой Маринка.

– Не знаю, – выдыхаю. – Может, мои нервы, – подхватываю малыша из шезлонга, качаю на руках. – Всю ночь не спал и сейчас капризничает...

– Ох, Сашка, – Марина смотрит на меня одновременно и с сочувствием, и с осуждением. – Да сдала бы ты это помещение! И сидела бы спокойно на арендные дома! Сына б растила!

– Марин, я в это дело всю душу вложила! – с жаром кричу я. – Тут каждый рецепт мой родной! – на глаза наворачиваются слезы. – Этот баб Машин, этот баб Валин...

Всхлипываю, чтоб не показывать слезы, отворачиваюсь к прилавку... Делаю вид, что булки раскладываю...

“Дзинь” – открывается входная дверь. А я аж вздрагиваю.

– Шурочка? – раздается тихий скрипучий голос.

– Ох, баб Зин, – хмурюсь я. – А мы белый хлеб не пекли еще! И вчерашний весь продали. Баб Зин, возьми булок.

– Ой не надо, моя хорошая, – причитает старенькая соседка одной из моих бабушек. – Ты прости меня, но булок не надо, – она смущенно улыбается, – они у тебя такие вкусные! Я потом их снова захочу...

Захочет...

А денег у нее нет.

Пенсия мизерная, а сын не помогает. Уехал в столицу и живет там в ус не дует.

Вот и приходится почти каждое утро баб Зине хлеба оставлять, да обманывать ее потом, что это вчерашний под списание...

– Баб Зин, – вдруг приходит мне в голову идея. – А ты не могла бы мне помочь? У меня проверка, а с Пашуткой я не справлюсь! Погуляй с ним в коляске? Я тебе как няне заплачу...

– Да бог с тобой, – замахала руками старушка. – Заплатит она! – скривилась, будто собралась плакать. – Ты мне только соску или бутылку дай?

– Без соски он у меня растет, – ловко перекладываю малыша на другую руку, подхватываю твердый бублик. – Вот... Баранку дашь ему зубы почесать...

Меняю подгузник, подхватываю пледик...

И что я раньше об этом не подумала?

Хотя...

Раньше Пашенька мне никогда на работе не мешал...

Эх...

Быстрее бы окончились эти проверки...

Уже со свободными руками я начинаю действительно раскладывать по витрине свердловские слойки, как снова...

“Дзинь” – до противного весело звякает колокольчик на двери моей пекарни.

Проверка?

Ой... Нет...

Хуже...

Замираю... Медленно оседаю на стул... Все. Все кончено.

Это он.

Он меня нашел.

.

Глава 2

Александра

– Добрый день, дамы, – здоровается он чуть напряженным голосом, но с улыбкой. С той самой шикарной улыбкой, от которой год назад у меня подкашивались ноги...

Высокий, загорелый, темно-русые волосы, голубые глаза и белозубая улыбка.

Ах! Сколько раз я представляла себе нашу с ним встречу!

И в своих мечтах я была неизменно в платье и на шпильках! И уж совершенно точно накрашенная...

А не как сейчас.

Испачканной в муке рукой поправляю свой поварской колпак, из-под которого выбились непослушные пряди, дергаю кончиком носа, пытаюсь не чихнуть...

Он скользит по мне взглядом, щурится...

Узнает!

Сейчас узнает, и я пропала!

– Говорят, – своим бархатным голосом произносит он, – что у вас лучшая в городе пекарня! Угостите чем-нибудь?

В смысле?

Что, не узнал?

Он меня не узнал?

– Да-да! Конечно! – выскакивает в зал Маринка, пихая по пути меня в бок. – Всегда свежая выпечка по семейным рецептам и лучший зерновой кофе!

– Звучит волшебно! – он улыбается уже непосредственно ей.

А она и не теряется!

Выгибается, как кошка.

Ну, Маринка! Ну, коза!

– Вам американо? Эспрессо? Капучино? – воркует она, пытаюсь попасть по кнопкам кофемашины.

Сложное это занятие, когда, не отрываясь, смотришь на клиента, а не на агрегат.

– Американо, пожалуйста, – он спокойно усаживается за стойку, прекрасно понимая, какое производит впечатление на женщин.

– А из выпечки у нас сегодня, – Маринка делает паузу, вытягивает шею. – Саш, что там у нас сегодня особо удалось?

– Все! – рявкаю, оперев руки в бока. – У нас сегодня удалось абсолютно все! Слойка свердловская, булочка сдобная, пирожки с яблоком и капустой...

– Раздельно, конечно, – глупо хихикает Маринка. – Пирожки, – заглядывает ему в глаза, как собачонка, – отдельно с яблоком, отдельно с капустой!

– Да? Спасибо, что уточнили, – хмыкает он. – А то семейные рецепты бывают разные. Вдруг вместе!

– Ах-ха-ха-ха! – заливается неестественным смехом Марина.

А он чуть кривится, снисходительно на нее смотрит, оборачивается на меня и...

Вдруг становится серьезным.

Щурится, будто всматривается или что-то вспоминает...

– Вы, значит, Саша? – тихо уточняет он, а у меня от его голоса сердце в пятки.

– Да, она Саша, – тут же снова встречает Маринка. – А я – Марина!

– Марина, – достаивает он ее взглядом. – Очень приятно. А я – Алексей.

Представляется и опять смотрит почему-то на меня.

Ну смотри ты на нее! Смотри! Она вон чуть не...

Что?

Маринка!

Ты что себе позволяешь?!

Коллега моя сняла с себя фартук, а под ним расстегнутая до третьей пуговицы блузка.

И в этот вырез отлично видна ее грудь четвертого размера.

А ну-ка не смотри на нее!

– Марина, – рявкаю я. – А у нас круассаны в расстойку поставлены?

– Поставлены, – кивает она нехотя.

– А багеты?

– Поставлены, – она уже откровенно кривится.

– А ржаной хлеб?

– Саш, мы ж его к обеду делаем! – возмущается моя помощница.

– А сейчас у нас что? Завтрак?

Время и в самом деле одиннадцать.

Конечно, ржаной хлеб еще вполне мог бы часик подождать. Ну полчасика точно.

Но мне жутко не хочется, чтобы он пялился на Маринкину грудь.

А этот!

Этот!

А-лек-сей!

Сидит и улыбается.

Прямо вот чуть не ржет!

И на меня косится!

Смешно ему, значит!

Повеселиться зашел.

– Марин, посмотри ржаной хлеб, пожалуйста, – не поднимая глаз от витрины, прошу помощницу.

Приказным тоном прошу, между прочим.

Она фыркает, злится, но подхватывает фартук и, чуть не снося поддоны своим объемным бюстом, скрывается в подсобке.

В зале повисает неуютная тишина.

Бли-ин...

И зачем я это сделала?

Лучше б он с Маринкой заигрывал!

Совершенно не знаю, куда себя деть.

Поворачиваюсь к уже разложенным слойкам и начинаю их по второму кругу перекладывать на соседний прилавок.

Он медлит, поднимает стакан с кофе, делает глоток, удовлетворенно кивает и оборачивается ко мне:

– Ну, привет! Саша...

.

Чуть больше, чем за год до этого

– Мне нужен этот конкурс! Ты не понимаешь! Мне нужен этот конкурс! – размахивая руками, убеждаю Маринку.

Хотя... Наверное, скорее, себя.

– Это же высшая лига пекарей! Это... Это... Это как Оскар среди кондитеров!

– Саш, – моя подруга детства смотрит на меня жалобно и немного снисходительно. – Ну куда ты со своими провинциальными рецептами? Там такие повара, – она воздевает руки к потолку. – А ты...

– А я всем докажу! – топаю ногой. – Всем докажу, что я не хуже! Бабушкин рецепт уникален! Я его доработала, адаптировала! Они такого никогда не видели! Да они от одного аромата в обморок упадут!

Я собираюсь выйти на конкурс с ржаным хлебом с солодом, изюмом и семечкой.

Фишка в том, чтобы взять определенный сорт несладкой ягоды. И семечку измельчить, но не в муку. И обязательно дать тесту маслом семян насытиться, и...

Боже, да там же столько нюансов.

Столько мелочей, к которым я уже привыкла с детства, но для других это как высшая математика.

– Я их всех сделаю, Марин! Я смогу! – твердым голосом убеждаю подругу.

– Эх, Сашка! – моя бывшая одноклассница распахивает объятия. – Бабушки бы тобою гордились!

Я всхлипываю.

Да...

Бабушки бы мною гордились.

Особенно баб Валя. Я ж на конкурс с ее рецептом иду.

Она пекла всегда. Каждый день. Хлеб в магазине мы вообще не покупали. Тесто замешивала на раз-два и не считала это чем-то сложным или особенным.

Она и сама была как сдобная булочка. Низенькая, полненькая.

А я уродилась в баб Машу – высокая и тощая, как жердь.

И, несмотря на то, что любила печь, вес никогда не набирала.

Баб Валя сокрушенно вздыхала, а баб Маша гордилась, что вот у нашей-то девочки не будет проблем с женихами!

Проблемы были. Несмотря на то, что я пекла, по словам баб Вали, как волшебница, и выглядела, по словам баб Маши, как богиня, проблемы были.

Может, оттого, что растили меня две старушки, и в обществе сверстников я просто не знала, куда себя деть?

Так уж вышло – родители погибли в автокатастрофе, когда я была совсем крохой. Их матери погоревали да и... съехались, чтобы вырастить внучку.

У нас дома всегда было вкусно, чисто и весело.

Но с ровесниками общаться я не умела.

Зато ж выучилась великолепно. Школу закончила на высшие баллы.

Но когда решила поступать на технолога хлебобулочной промышленности, больше всего возражала, как ни странно, баб Валя!

“Да разве это профессия!” – сокрушалась старушка.

“Ты же и так умеешь печь!” – вторила ей баб Маша.

А я стояла на своем.

Сердцем чувствовала, что если подойти к бабушкиным рецептам с научной базой, то...

К сожалению, к тому времени, когда я решила открыть пекарню, ни баб Вали, ни баб Маши со мной уже не было.

Они сгорели одна за другой, едва мне исполнилось двадцать.

Баб Маша, уходя, сжимала мою руку и шептала: “Ты только всегда мечтай! Верь своему сердцу! Оно у тебя мудрое! Верь!”

Тогда я решила, что это она о моей страсти к выпечке.

Поэтому, оплавав свое, часть наследства потратила на то, чтобы открыть собственную пекарню.

В самом центре! Около рынка! Козырное место. Уютный зал.

Но мне очень не хватало оборудования.

И вот... Конкурс! С каким-то умопомрачительным призовым фондом!

– Маринка! Я совершенно точно знаю, что возьму этот приз! – сжимаю подружку руку. – Точно возьму! И у меня будет лучшая пекарня в городе!

И, как ни удивительно, сердце меня не обмануло.

Правда, взяла я приз не в категории “Лучшее ржаное изделие”, а “Открытие года”.

Я – открытие! С ума сойти!

Это был шок, эйфория, восторг!

Я не помнила себя от счастья!

На фуршете обнимала каждого, кто подходил меня поздравить, пока не встретила взглядом с... ним...

Глава 3

Александра

Он просто стоял и смотрел на меня...

Посреди суеты и шума гремящей музыки, посреди толпящихся людей и спящих с бокалами официантов, он просто стоял и с еле заметной улыбкой смотрел на меня...

Казалось, что мир остановился.

Казалось, что до этого мгновения я летела, гонимая сумасшедшим циклоном, но вот наконец его центр... Вот все то, к чему я стремилась.

Замерла, распахнула глаза, поправила выбившуюся из прически прядь...

Его улыбка стала чуть шире. Он сделал шаг вперед.

Мы танцевали...

Мы не говорили друг другу ни слова, просто танцевали.

Медленный плавный танец, состоящий из случайных касаний бедер, из нежных сплетений рук, из взглядов и еле заметных движений губ...

Опьяненная эйфорией, совершенно неопытная в отношениях, я даже не знала, что ему сказать! И молчала.

А он ничего и не спрашивал. Только представился.

Леха.

Именно так он сказал: "Леха!"

Я окинула взглядом этого красавчика в рубашке с золотыми запонками, и мне почему-то стало жутко весело. Только сильный, умный и состоявшийся человек может позволить себе немного поозорничать и вместо серьезного имени-отчества представиться Лехой.

Так мне тогда показалось.

Влекомая танцем, неведомой до того близостью, нежностью, опьяненная эйфорией от победы в конкурсе, я, кажется, впервые позволила себе забыться и отдаться на волю чувств и желаний.

Совершенно точно впервые.

Он превратил меня в женщину.

Не помню, как мы оказались в номере.

Помню шелк простыней, его бархатный голос, помню ласки и поцелуи, от которых до сих пор кружится голова, его слова, произнесенные страстным шепотом мне на ухо...

Божественное сумасшествие, неземное наслаждение, безумный восторг!

Маринка рассказывала, что первый раз всегда дурацкий, а я...

Я была счастлива.

До того момента, как проснулась.

Резко села на кровати, окинула взглядом шикарное мужское тело, тихо сопящее рядом со мной...

Он повернулся, что-то сонно пробормотал, пошарил рукой по простыне, нащупал мое запястье... И снова уснул...

А я, ошарашенная своим же поступком, совершенно не представляла, что теперь делать! Бабушки о таком не рассказывали!

Рассказывали подруги, но в их рассказах было все пошло и малопрочно...

Получается, что я отдалась первому встречному в первую же ночь?

Я, выходит, доступная? Безнравственная? Несерьезная?

О боже!

Сжигаемая стыдом, гонимая предстоящим позором, я тихо сползла с кровати, стараясь не разбудить того, кто вчера мне озорно представился Лехой, натянула платье, подхватила туфли и...

И исчезла с твердым намерением забыть произошедшее и никогда не вспоминать. Только вот буквально через три недели я поняла, что забыть не получится!

.

– Ну, привет, – он смотрит на меня почти тем же самым озорным взглядом своих небесно-голубых глаз.

А на губах играет чуть ироничная улыбка.

– Что предложишь вкусенького?

Не узнал!

Колющий ледяной ком обиды медленно пополз по груди куда-то вниз.

Я для него была одной из многих.

Одной из тех, кого можно легко затащить в постель вот такой вот улыбкой...

Стискиваю зубы, шумно сглатываю подступающие слезы...

Это все нервы. И гормоны... И...

– Саш! – кричит из подсобки Маринка. – Митька пришел!

– Выйди в зал! – отзываюсь, поворачиваюсь к непрошенному клиенту. – Я ваших вкусов не знаю, а вообще в городе нашу выпечку всю любят. Вот булочки, вот пирожки. Кто берет с повидлом, кто с капустой... Все на витрине.

И, не дожидаясь его ответа, улетаю в подсобку.

Дверь!

Мне надо перевесить дверь!

А то придет пожарная инспекция и прикроет мои “Бабушкины Пирожки”. И тогда действительно ничего не останется, как продаться заезжему сетеву и стать “Мармеладкой”, или “Шоколадкой”, или как они там называются...

Вылетаю в подсобку, глотая слезы.

– Саш, ты чего? – смотрит на меня ошалевший Митька.

Ему едва шестнадцать есть – это младший брат моей одноклассницы, но парнишка толковый, рукастый. Часто его вызываю.

– Мить, надо, чтобы дверь наружу открывалась, – всхлипывая, пытаюсь объяснить я.

– А ты из-за нее плачешь? – округляет глаза он.

– Из-за проверок! – беззастенчиво вру я. – Уже все нервы вытрепали! Вот даже тесто плохо поднимается!

Раздосадованно пинаю чан с ржаной закваской...

Все!

Сил моих больше нет!

– Саня, – вдруг воодушевляется Митька. – Ты не дрейфь! Мы ща все поправим! Тут работы на три минуты!

И вдруг я снова слышу из зала “Дзинь”!

Ладно...

Не пойду с красным носом.

Там Маринка.

Но...

Маринка испуганно заглядывает в подсобку:

– Саша, выйди.

Да что ж такое!

Распахиваю дверь, намеренная поругаться, и...

Ой...

Глава администрации.

– Что ж вы, Александра, так неприветливо гостей встречаете, – покачиваясь с носка на пятку и растягивая слова, как кот Матроскин, спрашивает меня он. – Нет бы угостили своим самым лучшим...

– У нас все самое лучшее, Илья Александрович! – киваю я, стараясь выглядеть приветливо. – И дверь мы уже перевесили, – Митька же сказал, что там работы на три минуты.

– Да бог с ней, с дверью, – лицемерно улыбается глава, почему-то то и дело поглядывая на моего утреннего гостя. – Я, собственно, решил вот... – он откашливается. – Знакомьтесь! Столичный бизнесмен, владелец сети пекарен “Сладкая Булочка”, Никитин Алексей Игоревич!

Кто?

Он?

Мамочки...

Медленно оседаю на стул.

Вот это влипла, так влипла!

Глава 4

Алексей

Саша, Саша, Простокваша!

Черт!

Такое ощущение, что это она!

Но не похожа же совершенно!

Нет, чем-то похожа... Неуловимо... Еле-еле... Как если бы была сестра или...

Блин!

Саша Иванова!

Да мало ли на свете Саш Ивановых? Наверное, не меньше, чем Маш Петровых!

Неужели она?

Да не может быть!

Та была яркая, блестящая... Кажется, чуть полнее и волосы темнее и...

Елки! Ну женщина же может заболеть, или просто похудеть, или...

Достаю телефон, открываю единственное фото, которое смог достать.

Она полубоком, принимает из рук жюри свой кубок...

Странно, что более приличного не сделали даже для их сайта.

Да, номинация такая... Проходная...

И все же...

Вздыхаю.

Пытаюсь вызвать ее образ в своей памяти.

Чуть горьковатая сладость.

Это всплывает первым.

Приятная, не приторная сладость. Бархат кожи, ласкающее тепло ее дыхания, счастливый блеск в глазах и...

Блин!

Да!

Я идиот!

Я был с самолета и вечер этот считал неважным, устал тогда, как вол, успел подхватить бокал чего-то на фуршете и... И даже имени ее не спросил!

Черт!

Но я почти уверен, что девушка, с которой я провел ночь – это Александра Иванова! Лауреат премии в номинации “Открытие года”!

Называется красиво, но на самом деле это почти что поощрительный приз. Когда изделие не дотягивает до уровня конкурса, но видно, что человек очень старался.

Но ей этого хватило! Я помню ее восторг, ее ликование...

Черт!

Я помню!

А она?

Саша Иванова.

И работает в хлебобулочной промышленности.

Совпадение?

Что, реально?

Ну ладно. Если это она, она что, меня не узнала?

Я волосы не красил и не похудел за этот год ни капли!

Черт!

Как же я хочу ее найти!

Сначала, когда утром проснулся один, то подумал, что и хрен с тобой! Раз ты так решила, то скатертью дорожка!

А потом понял, что не отпускает.

Вообще никак не отпускает.

Обида?

Не-ет...

Когда обижен, готов искать утешения у других.

А тут...

Никого, кроме нее, видеть не мог.

Слышать не хотел.

И уж тем более, трогать!

Саша!

Саша, Саша...

Шла Саша по шоссе...

Блин!

И моя Саша от меня ушла... По шоссе уж или нет, не знаю.

И до сих пор не понимаю почему!

Ну да, это было сумасшествие, помутнение рассудка, безумие... Но такое клевое! Такое...

Р-р-р-р!

Разве возможно, чтобы она меня не узнала?

Нет...

Невозможно...

Это не она.

Это глупое, идиотское совпадение...

Издевка судьбы.

Что именно тут и именно сейчас я встречаю вторую в своей жизни Сашу Иванову.

И в ней тоже что-то есть!

Взгляд колючий, вид агрессивный, но...

Но что-то в ней есть такое, что заставляет в нее всматриваться!

И...

И почему-то мне сегодня была жутко неприятна эта эскапада их главы.

Вот, кстати, именно к нему я сейчас и направляюсь.

Иду по центру города пешком, прикидывая точки наибольшего притяжения.

Да...

У этих “Бабушкиных Пирожков” действительно прекрасное расположение...

Только вот...

Захожу в здание администрации, вежливо улыбаюсь густо накрашенной секретарше...

– Могу ли я встретиться с господином Евсюковым?

– Ой, да! Конечно! Вам всегда можно!

Излишне поспешно вскакивает девица.

Ух ты!

Всегда можно?

Удивительно. Неужели власти этого городочка так сильно хотят заполучить крупного сетевого?

На что надеются?

Во сколько они оценивают свою помощь?

– Алексей Игоревич, дорогой, – распахивает мне объятия глава.

– Илья Александрович, – ловлю его правую руку и крепкожимаю.

– Как вам наш городок? – угодливо склоняется глава.

– Прекрасно! Прекрасно! – усаживаюсь в кресло, откидываюсь. – Только вот не уверен насчет этих “Бабушкиных Пирожков”!

– За них не волнуйтесь! – тут же выставляет ладонь глава.

– Да? – удивленно вскидываю брови. – Вы считаете?

– Да! Саша у нас, конечно, мастерица, но совсем не администратор! – хитро улыбается этот проныра. – Еще пара проверок, и мы ее добавим.

– Вот так, значит, – произношу тихо, а сам в уме прикидываю. – А вы знаете, – хмурюсь, – не стоит! Проверка на проверке! Городок маленький. Не ровен час, репутация у места будет испорчена! Позвольте, я сам с ней поговорю?!

Александра

– Сашка! – Маринка, томно вздохнув, падает на стул. – Ты видела, какие у него глаза?!

– Марин, опару упустишь! – возвращаю ее с небес на землю.

– Да что ты со своей опарой! – кривится подруга. – Вечно ты! Там такой мужик! – опять восхищенный вздох.

– Марин, этот мужик очень хочет оттяпать наш бизнес! – произношу строго. – Ты уверена, что ему нужна будет разнорабочая в его красивой сетевой пекарне?

– Разнорабочая – не знаю, а вот подруга, чтобы скрасить вечера... – она пытается игриво протянуть последнее слово, но выходит очень противно.

– Марин! Хватит! Никогда не думала, что ты способна на такого рода отношения!

– Ой, – неожиданно для меня кривится моя подруга. – Кто б говорил! Про тебя тоже никто ничего не думал! А вон на недельку в столицу съездила и ребеночка привезла!

– Марин, – снова произношу я, только совсем другим тоном.

Уже не приказным. И не возмущенным.

– Ой, ладно, ладно! – хмыкает моя бывшая одноклассница. – Будет тебе! Не хочешь слушать колкости, не мешай мечтать о красавчике с голубыми глазами!

“Дзинь!”

– Девочки! – баб Зина заезжает с коляской прямо в центральный вход. – А мы проснулись! Дали маме время поработать?

Она смотрит на меня вопросительно и с надеждой.

Как же хочется старушке быть нужной!

– Ой, баб Зин, вы не представляете, – восторженно всплескиваю руками я. – Это такая помощь, такая помощь!

Тут не кривлю душой ни капли. Действительно, Пашутке сегодня в пекарне было не место.

– Баб Зин, у меня тут брак вышел, – достаю из-под прилавка пакет с плюшками, которым я специально испортила форму. – Может, заберете? – смотрю на нее с надеждой.

– Ой, Саша! – машет руками старушка.

– Берите, берите, – пихаю пакет, – все равно под утилизацию!

Баба Зина, смущаясь и прижимая плюшки к груди, уходит, а я достаю своего сыночка...

Глаза, глаза...

Эх...

Действительно... Совершенно очаровательные голубые глаза... Да, Пашутка?

Глава 5

Алексей

Кручусь по городу уже второй час...

Милый городишко. Тихий, симпатичный, ухоженный... Ловлю себя на мысли, что с удовольствием бы в таком жил.

Только вот с общепитом у них явно проблемы.

Я себе дважды уже кофе покупал и оба стакана вылил.

Вот бывает же так?! Хочу тот! Из “Бабушкиных”!

Хочу кофе, и аромат их теста, и хозяйку за прилавком, чтобы можно было сидеть, ее рассматривать...

Идиотизм.

Стискиваю зубы, вспоминаю вчерашний день.

Глава почти нехотя со мной согласился.

Псов своих проверяющих отозвал.

Правда, я ему взамен пообещал, что и так это место возьму.

Вот хожу кругами напротив красивой стильной вывески. Оформлены “Бабушкины Пирожки” классно. Помещение светлое, чуть-чуть ретро... То, что нужно, для хлебопекарни. Это вечное. Традиционное. Бабушкино!

В этом она попала в точку. В этом она молодец.

И совсем не хочется такую умную девчонку терять. Стою и думаю, а как же тебя взять, Саша Иванова?

Черт!

Ну да будем пробовать самый простой способ.

Взывать к голосу разума.

Замираю напротив дверей кофейни, наблюдаю, как оттуда выезжает смешная старушка с коляской, и, наконец, решаюсь.

– Здравствуйте, дамы! – здороваюсь громко, почти торжественно.

Та, что Марина, радостно краснеет, а вот Сашенька почему-то бледнеет...

Черт... А когда это я стал ее в своем уме “Сашенькой” называть?

.

Александра

Боже!

Зашел бы он хоть тремя минутами раньше – обязательно увидел бы Пирожка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.